

исходящего, в переживаниях, связанных с открывшимся новым миром, до войны неведомым.

Н. Г. Комелина в докладе «„Как мы воинам писали и что они нам отвечали“. Патриотическая мистификация З. Н. Гиппиус» рассказала о литературном проекте, своего рода мистификации и провокации, которую осуществила З. Н. Гиппиус. От имени собственной прислуги — Екатерины Алексеевны Сухановой, Ксении (Аксюши) Яковлевны Алексеевой, Дарьи Павловны Соколовой — Гиппиус отправляла письма на фронт, провоцируя солдат на ответное стихотворчество. Письма, вложенные в кيسеты и посланные солдатам, были опубликованы сначала в газете «День», а затем во фронтовой газете «Вестник X армии». Позднее некоторые солдатские ответы, а также новые стихотворные послания петроградских девушек были напечатаны в «Голосе жизни». В 1915 году Гип-

пиус составила лубочную книжку «Как мы воинам писали и что они нам отвечали. Книга-подарок» (М.: Изд. типографии И. Д. Сытина, 1915), куда вошли стихи к солдатам и их ответы (50 писем). В докладе проанализированы обнаруженные в Рукописном отделе Пушкинского Дома солдатские письма-ответы Гиппиус, представляющие собой коллективные или индивидуальные послания. По содержанию большинство из них просительные, по форме — практически все в стихах. Особенностью этих ответов является формульность, характерная для письменных жанров фольклора как составной части традиционной культуры. Автографы нескольких писем, опубликованных Гиппиус в 1915 году, свидетельствуют о редактировании и творческой переработке поэтессой солдатских посланий.

© Н. Г. Комелина

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ДИОНИСИЙСТВО: DISPUTATIO METAPHYSICA ET CULTURALIS»

19—20 февраля 2015 года в Санкт-Петербурге состоялась Международная научная конференция «Вячеслав Иванов и дионисийство: disputatio metaphysica et culturalis». В ее работе приняли участие исследователи из России, Италии, Финляндии, Великобритании и Польши.

Первое заседание, прошедшее в Пушкинском Доме под председательством А. В. Лаврова, открылось докладом А. Пайман (Великобритания) «Вячеслав Иванов и трагедия в теории и практике Серебряного века». В своем выступлении Пайман проанализировала попытки русских символистов возродить дух древнеэллинской трагедии. Докладчица отметила, что восприятие работы Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» в России было связано, с одной стороны, с бунтом против рационализма Просвещения (а именно, закона причинности и категорического императива как ограничения человеческой свободы), с другой — с поисками противоядия от пессимизма.

Доклад О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Экклесиология в поэтическом слове» представлял собой, по словам автора, «опыт визуализации реального комментария» к одному из стихотворений поэтического цикла Вяч. Иванова «Римский дневник» (1944) — «В стенах, ограде римской славы...». Презентация, подготовленная на основе фотографий, сделанных самой докладчицей, сопровождала рассказ о многовековой истории, святых и убранстве базилики Сан Саба на Малом Авентине — храма, которому посвя-

щено стихотворение. Исследовательница остановилась подробнее на нескольких фрагментах текста, в которых усматриваются исторические неточности (например, отнесение основания базилики к эпохе св. Григория Великого). Эти неточности можно объяснить сверхзадачей автора, создавшего поэтическое «исповедание веры во Вселенскую Церковь» и желавшего, по-видимому, подчеркнуть «экуменический» аспект истории базилики, для чего ему и понадобилось обращение к личности папы Григория I, одинаково чтимого и Западной, и Восточной Церквями.

В выступлении «„Dioniso cosiddetto Narciso” (К интерпретации стихотворения «Нарцисс. Помпейская бронза»)» Н. Ю. Грыкалова (Санкт-Петербург) ознакомила с новыми данными, касающимися источника поэтического экфрасиса Вяч. Иванова. Тот факт, что скульптура из собрания Национального археологического музея в Неаполе в каталогах и описаниях обозначается как «Дионис, называемый Нарциссом», проясняет структуру текста, построенного в форме вопрошания, а также его смысловую перспективу, особенно в контексте изучения дионисийского культа. Далее докладчица коснулась интертекстуального аспекта, предложив ввести в круг литературных источников «Трактат о Нарциссе» (1891) Андре Жида, которому был отведен самостоятельный раздел в эссе Л. Зиновьевой-Аннибал «В Раю отчаяния. Андре Жид. Литературный портрет» (Весы. 1904. № 10), сопровождаемый эпиграфом из анализируемого стихотворения.

Л. Л. Ермакова (Санкт-Петербург) в докладе «Хор в трагедии Вяч. Иванова „Прометей”» предприняла попытку установить влияние трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» на трагедию Иванова «Прометей». Докладчица показала, что содержание реплик хора Океанид в «Прометее» Иванова перекликается с текстом Эсхила: Иванов вводит хор Океанид в свою трагедию явно под влиянием Эсхила, тем более что женский хор, олицетворяющий диадю, прекрасно иллюстрирует ивановскую теорию развития трагедии из религиозного действия. При этом поэт сознательно делает акцент на тех качествах хора, которые должны быть присущи женскому, дионисийскому началу и которые, в действительности, не столь выражены в трагедии Эсхила.

В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) «О роли переводов Пиндара в развитии русского стиха (силаботонический логзэд Иванова и «Нашедший подкову» Мандельштама)» было высказано предположение, что важнейшим ритмическим источником единственного верлибра Мандельштама является ивановский перевод 1-й Пифийской оды Пиндара, опубликованный в 1899 году и перепечатанный незадолго до появления мандельштамовского стихотворения в хрестоматии Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости» (1921). В докладе была рассмотрена история подзаголовка стихотворения («пиндарический отрывок»; в версии Э. Миндлина и Т. Смоляровой — «опыт пиндарической прозы») и его прозаическая версия, увидевшая свет в газете «Накануне» в 1923 году (вторая публикация).

Г. В. Обатнин (Хельсинки) в докладе «К теме „Иванов и Гуссерль”» рассказал о записи Вяч. Иванова об Э. Гуссерле, хранящейся в фонде Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Как показал исследователь, она возникла, скорее всего, не в результате изучения трудов Гуссерля, но в связи с чтением книги Г. Г. Шпета «Явление и смысл» (1914), содержащей пересказ философской системы немецкого философа.

Наблюдениями, сделанными при изучении рукописей переводов Вяч. Иванова, поделился К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург). Так, юношеский перевод отрывка из седьмой книги «Бхагавадгиты», выполненный поэтом в 1884 году, был впервые опубликован без деления на строфы. В рукописи не только имеются отступы перед четными строками, но и двуступица к тому же разделены звездочками, что подчеркивает их афористичность и сакральный характер. Для передачи индийских шлок Вяч. Иванов избрал элегический дистих. Особое внимание было обращено на тетрадь в Римском архиве Вяч. Иванова, в которую М. О. Гершензон вынес стихотворные цитаты (или их инципиты) из «Автобиографии» Петrarки. Эти отрывки должны быть перевести стихами Вяч. Иванов; в нескольких случаях он был столь

воодушевлен оригиналом, что перевел больше, чем его просили. По этой и другим причинам в издании Петrarки 1915 года не вошла часть стихотворных строк и отрывков из Горация, Вергилия и Ювенала в переводе Вяч. Иванова. Как показывают материалы неизданной антологии греческой поэзии, готовившейся Ф. Е. Коршем и Н. О. Нилендером в начале 1910-х годов, один из переводов из Солона («А они, желая грабить, ожиданий шли полны...»), сделанный А. М. Ловягиным, был по ошибке напечатан в «Греческой литературе в избранных переводах» (1939) как переложение Вяч. Иванова и как таковой значится в авторитетных библиографических справочниках.

Завершающий первый день конференции доклад А. С. Александрова (Санкт-Петербург) был посвящен трансформации замысла «Лиры Новалиса» — незавершенной книги переводов Вяч. Иванова, которая должна была объединить наиболее ценимые им лирические произведения немецкого романтика. В докладе сообщалось об истории изучения этой книги Д. В. Ивановым и современными исследователями, прослежена история создания и установлены первые публикации отдельных текстов «Лиры». Исследователем были выявлены издания, которыми пользовался Вяч. Иванов при подготовке книги переводов, а также была прослежена трансформация композиции книги.

Во второй день конференции, который прошел в Русской христианской гуманитарной академии, прозвучали доклады преимущественно философской проблематики.

После приветственного слова ректора РХГА Д. К. Богатырева выступил А. Б. Шишкин (Италия) с докладом «Вячеслав Иванов и петербургское Религиозно-философское общество», представив хронику деятельности Общества и проследив участие Вяч. Иванова в заседаниях, его выступления с докладами и, в частности, эпизод столкновения Иванова с В. В. Розановым, вопрос об исключении которого из РФО встал на повестке дня в 1914 году. По мысли докладчицы, Вяч. Иванов пытался дать собраниям в РФО новое направление, богословско-филологическое (прежде всего в выступлении 3 мая 1909 года «О евангельском смысле слова „Земля”»), создать некий третий полюс, который должен был противостоять как Розанову, так и Мережковскому.

М. Цимборска-Лебода (Польша) в докладе «Душа — дух — сердце в поэзии Вячеслава Иванова (о метафизике личности)» сосредоточила внимание на связи метафоры с метафизикой любви и личности. Предметом анализа и контекстуальной интерпретации стали два стихотворения из второй части мелопеи Вяч. Иванова «Человек»: центральное (ἀκρίβ) и «Я емь, доколе не люблю...». Докладчица выделила три типа метафор, связанных с семантикой: 1) горения / плавления в огне / огненной смерти; 2) погруже-

ния / утопания в воде; 3) пожирания / жертвы — и пришла к выводу, что они служат выражению процесса оцелостнения человека — любящего субъекта, приобретающего «бытийствование». Втянутая в метафорический дискурс знаменитая формула Иванова «ты еси» при этом обновляется и обогащается избыточным смыслом: она выражает метаморфозу субъекта (от эгоистического «я есмь» к жертвенному «ты еси»).

С. Каприо (Италия) предложил вниманию слушателей доклад «Дионис и Христос у Вяч. Иванова» и открыл свое выступление тезисом о том, что религиозность XXI века поразительна, несмотря на кризис мировых религий. Докладчик обратился к философии начала XX века, отметив, что Вяч. Иванов, переосмысляя древнегреческую культуру и дионисизм, так реагировал на господство сухого индивидуализма общества, вступавшего в новое столетие. Однако мечта Иванова объединить Россию и Вселенскую Церковь была опрокинута трагической реальностью двадцатого века.

В докладе Г. Ч. Гусейнова (Москва) были рассмотрены точки соприкосновения романов А. Мальро «Искушение Запада», Д. Лоуренса «Сумерки Италии», Г. Гессе «Игра в бисер» с идеями Вяч. Иванова, выра-

женными в его литературно-философских эссе и в книге «Эллинская религия страдающего бога».

Сообщение М. В. Михайловой (Санкт-Петербург) «Уголь и алмаз: К антропологии русского символизма» был посвящен рассмотрению образа, важного в метатексте русского символизма, на материале произведений Вяч. Иванова и А. Блока. В диалоге двух центральных авторов младосимволизма раскрывался и уточнялся антропологический смысл этой метафоры, восходящей к святоотеческому богословию и актуализированной на рубеже веков программной статьей Вл. С. Соловьева «Красота в природе». Отдельное внимание было уделено тому, как расширяется объем значения рассматриваемого образа от фигуры персонального опыта через метафору народного пути до универсальной языковой модели русского мира.

В завершение конференции прошла презентация № 64 журнала «Символ» за 2014 год, в котором опубликована книга Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» с комментариями Г. Ч. Гусейнова. В презентации приняли участие Т. Гарсия (Москва), Н. Л. Мухелишвили (Москва) и А. В. Юдин (Москва).

© Л. Л. Ермакова

ВТОРАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ВОСТОРГИ МИРА: ЭКСТАЗ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

27—28 апреля 2015 года в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН состоялась научная конференция, ставшая продолжением прошлогоднего форума «Все страхи мира: Ноггор в литературе и искусстве».¹ Ее организаторами выступили сотрудники ИРЛИ, Псковского государственного университета и Тверского государственного университета С. В. Денисенко, А. О. Демин, И. В. Мотеюнайте, А. Ю. Сорочан. В работе приняли уча-

стие ученые из России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Задачей конференции стало изучение эстетической категории экстаза, обычно не привлекающей внимания современных ученых, и осмысление разнообразных воплощений экстаза в литературе и в других видах искусств.

Исследователи обсуждали проблемы различения экстаза и экзальтации в литературе и искусстве; репрезентацию экзатичности в текстах и экзатичные тексты; существующие в искусстве описания экзатических состояний и моделей поведения, а также способы и приемы описания «экстаза» в литературе и искусстве. Отдельной темой стала история экстаза — «положительно окрашенные аффекты» в древнем и новом искусстве.

Конференция открылась докладом «Экстаз и кошмар в „Шинели“ Н. В. Гоголя», в

¹ Хронику конференции см.: Русская литература. 2014. № 4. С. 268—272. По материалам конференции вышел сборник статей: Все страхи мира: Ноггор в литературе и искусстве: Сб. статей / Сост. С. В. Денисенко, И. В. Мотеюнайте. СПб.; Тверь, 2015. Книга доступна в электронной библиотеке на сайте Пушкинского Дома: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10023>.